

АКТУАЛЬНОСТЬ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В XXI ВЕКЕ

Актуальность всех вопросов, связанных с межкультурной коммуникацией, приобрела в этом веке, а особенно в последние годы небывалую остроту. Повышенный интерес к изучению культур разных народов, создание специализированных ученых советов для защиты кандидатских и докторских диссертаций по истории и теории социальных коммуникаций; поток публикаций на тему состоявшихся и несостоявшихся межкультурных коммуникаций в популярных журналах «GEO», «Вокруг света» и пр.; создание обществ, ассоциаций, объединяющих исследователей проблем в области коммуникации; бесконечные конференции, симпозиумы, конгрессы по данному вопросу; включение предметов информационной деятельности и международной коммуникации в учебный план подготовки специалистов по многим гуманитарным направлениям; наконец, известное предсказание С. Хантингтона о третьей мировой войне как войне культур и цивилизаций (1) — все это свидетельствует о настоящем взрыве интереса к проблемам межкультурной коммуникации.

К сожалению, за этим взрывом кроются не только и не столько благородные и созидательные мотивы интереса к другим народам, стремление обогатить свой народ опытом и оригинальностью других, сколько совсем иные причины, грустные и тревожные. В последние годы социальные, политические и экономические потрясения мирового масштаба привели к небывалой миграции народов, их переселению, расселению, столкновению, смешению, что, разумеется, приводит к конфликтным ситуациям. Активизация международных террористических организаций, невиданное доселе увеличение их числа, террористические акты не только в Израиле, России, но и в таких благополучнейших европейских странах как Австрия, Германия, Дания, Бельгия — это тоже последствия «несостыковки» в международной коммуникации. Вот что можно прочесть теперь в обычной «мирной» экономической газете (2):

“Мусульманский национализм приобретает все более крайние формы. Теперь он не обращает внимания на национальные чувства других; это — собственность, привилегия и политический

инструмент недавно ставшей преобладающей мусульманской нации... Главным результатом этого нового мусульманского национализма является движение в сторону национальной гомогенизации.... Все в большей мере исламский религиозный фундаментализм приобретает также влияние и на определение мусульманских национальных интересов”.

В то же время научно-технический прогресс и усилия разумной и миролюбивой части человечества открывают все новые возможности, виды и формы общения, главным условием эффективности которых является взаимопонимание, диалог, терпимость и уважение к партнерам по коммуникации.

Все это вместе взятое — и трагическое, и тревожное, и обнадеживающее— и привело к особенно пристальному вниманию к вопросам межкультурного общения. Впрочем, вопросы эти вечные, они волновали человечество с незапамятных времен. Русская пословица, живая, употребительная, не утратившая своей актуальности, учит: *В чужой монастырь со своим уставом не ходят*. Немецкий вариант этой мысли очень близок к русскому: *In Rom tu, wie (was) Rom tut* [В Риме поступай, как римлянин]. Так в каждом из языков народная мудрость старается предостеречь от того, что теперь принято называть конфликтной ситуацией.

Словосочетание это, к сожалению, сейчас «в моде» по уже упомянутым грустным причинам: в условиях социальных, политических и экономических конфликтов многочисленные беженцы, иммигранты, репатрианты страдают от конфликтов с «чужим уставом» даже в благополучной экономической ситуации.

Чтобы понять суть слова *конфликт* нужно вдуматься в русское слово *иностраный* или в украинское *іноземний*. Их внутренняя форма абсолютно прозрачна: в первом случае - из иных стран, во втором — из иных земель. Родная, не из иных стран, культура объединяет людей и одновременно отделяет их от других, чужих культур. Иначе говоря, родная культура — это и щит, охраняющий национальное своеобразие народа, и глухой забор, отгораживающий от других народов.

Весь мир делится таким образом на своих, объединенных языком и манерой поведения людей и на чужих, не знающих языка и правил. Кстати, «тот неоспоримый факт, что по различным социально-историческим причинам именно английский язык стал главным международным средством общения и поэтому им

пользуются миллионы людей, для которых этот язык неродной, не только принес англоязычному миру огромную политическую, экономическую и иную пользу, но и как бы лишил этот мир щита: сделал его культуру открытой, выставленной напоказ всему остальному человечеству. При национальной любви англичан к закрытости — «мой дом — моя крепость» — это представляется неким парадоксом и иронией судьбы. Их национальный дом открылся всем на свете через английский язык» (4).

Древние греки и римляне всех людей других стран и культур называли варварами — от греческого *barbaros* 'чужеземец'. Слово это звукоподражательное и прямо связано с неродным языком: чужие языки воспринимались на слух как невнятное *бар-бар-бар* (ср. русское болобол).

В древнерусском языке всех иностранцев называли словом *немец*. Вот как характеризует англичан русская пословица XII века: *Аглицкие немцы не корыстны люди, да драться люты* (3). Впоследствии это слово было вытеснено словом *чужеземец*, а значение слова *немец* сузилось до только тех иностранцев, которые приезжали из Германии. Интересно, что корень слова *немец* — *нем-*, от *немой*, то есть *немец* — это немой, не умеющий говорить (не знающий нашего языка) человек. В основе определения иностранца, таким образом, лежало его неумение говорить на родном, в данном случае русском языке, неспособность выразить себя словесно (ср. *варвар*). *Чужеземец* из чужих земель и затем *иностранец* из иных стран, пришедшие на смену *немцу*, переставили акцент с владения языком (или, вернее, невладения) на происхождение: из чужой земли, из иных стран. Смысл этого слова становится полным и ясным в противопоставлении: родной, свой — иностранный, то есть чужой, чуждый, принятый в иных странах. В этой оппозиции уже заложено столкновение между своим и чужим уставом, то есть конфликт культур, поэтому все сочетания со словами *иностранный* или *иностранец* предполагают этот конфликт.

Самые очевидные примеры столкновений культур дает просто реальное общение с иностранцами как в их стране, так и в своей родной. Такого рода конфликты порождают множество курьезов, анекдотов, смешных сюжетов («наши за границей», иностранцы в России и т. п.), неприятностей, драм и даже трагедий.

Итальянская семья усыновила чернобыльского мальчика. Ночью в посольстве Украины в Риме раздался звонок: взволнованный женский голос просил о помощи: «Приезжайте скорее, мы не можем его уложить спать, он кричит, плачет, будит соседей». На место происшествия помчалась посольская машина с переводчицей, которой бедный мальчик объяснил, рыдая: «Я хочу спать, а они надевают на меня костюм!» Ложиться спать для мальчика обозначало: раздеваться. В его культуре не было пижамы, да еще имеющей вид тренировочного костюма (4).

Одна из версий гибели казахского самолета при посадке в Дели объясняет аварию конфликтом культур: индийские авиадиспетчеры дали высоту не в метрах, а в футах, как это принято у англичан (5).

В украинском городе Умань во время традиционного съезда хасидов в 1996 году начались беспорядки из-за того, что один из хасидов брызнул слезоточивым газом из баллончика в лицо одной из зрительниц на улице. Согласно обычаям хасидов, женщины не должны быть вблизи мужчин, занятых религиозным обрядом. Видимо, украинка подошла слишком близко — ближе, чем позволяла религиозная традиция. Волнения продолжались несколько дней. Милиционерам, прибывшим из соседних городов для наведения порядка, разъяснили причину культурного конфликта, и они стали бдительно следить за соблюдением дистанции, предупреждая женщин о запрете на вторжение на территорию проведения религиозного обряда (5).

Вот как описывает Сол Шулман, известный путешественник и антрополог, типичный конфликт культур у иммигрантов Австралии: «Приезжает греческая или итальянская семья — отец, мать и десятилетний сын. Отец решил подзаработать денег в богатой стране, а затем вернуться домой. Проходит пять-шесть лет, деньги скоплены, можно возвращаться на родину. „На какую родину? — удивляется сын. — Я австралиец“. Его язык, культура, родина уже здесь, а не там. И начинается драма, заканчивающаяся иногда развалом семьи. Вечная проблема „отцов и детей“ усугубляется здесь еще и отчуждением культур разных поколений. Недаром иммигранты нередко называют Австралию „золотой клеткой“» (6).

Профессиональный переводчик с индонезийского языка И. И. Кашмадзе, почти полвека работавший в самых высших кругах

политики и дипломатии СССР, описывает визит начальника криминальной полиции Индонезии в нашу страну: «В завершение вечера генерал Калинин, решив показать „братские чувства" к индонезийскому гостю, попытался поцеловать его в губы, чем вызвал у начальника полиции глубочайшее удивление» (7) .

Студенты из Таиланда перестали посещать лекции по русской литературе. «Она на нас кричит», — сказали они о преподавательнице, говорившей, в соответствии с русской педагогической традицией, громко, четко и ясно. Эта манера оказалась неприемлемой для студентов-тайцев, привыкших к иным фонетическим и риторическим параметрам (4).

Конфликт произошел у российских студентов, учившихся по американской программе, с преподавателями из США. Заметив, что несколько студентов списывают, американские преподаватели, поставили неудовлетворительные оценки всему потоку, что обозначало и моральный удар, и большие финансовые потери для российских студентов. Американцы возмущались теми, кто давал списать, и теми, кто не донес немедленно об этом преподавателям, даже больше, чем теми, кто списывал. Идеи «не пойман — не вор» и «доносчику первый кнут» не имели никакого успеха. Все сдавшие этот письменный экзамен были вынуждены снова его сдавать и снова платить деньги. Часть российских студентов, возмущенная этой ситуацией, отказалась продолжать программу (4).

Немецкая деловая дама на международном симпозиуме, посвященном проблемам взаимодействия культур, в английском городе Бат в апреле 1998 года описывала свой печальный опыт создания совместной консалтинговой фирмы с русскими партнерами в Риге: «Оказалось, что для моего русского друга наша дружба важнее бизнеса. Через год мы ее почти утратили». Именно этой даме принадлежат два афоризма, вполне типичные для ситуации конфликта культур: 1) «заниматься бизнесом в России — это все равно что идти через джунгли на высоких каблуках»; 2) «любят Россию главным образом учителя русского языка; ненавидят Россию те, кто там занимается бизнесом» (7).

«Подарочный» конфликт часто портит деловые и личные отношения. У нас принято дарить подарки, цветы, сувениры гораздо чаще и щедрее, чем на Западе. Западные гости обычно воспринимают это не как широту души и гостеприимство, а как эксцентричность, как скрываемое материальное благополучие

(«они совсем не такие бедные, если дарят такие подарки» — а наши отечественные и, в частности, одесские партнеры иностранцев по бизнесу могут быть гораздо беднее, чем выглядят: они просто соблюдают требования своей культуры: «добавить шика») или как попытку подкупа, то есть усматривают в таком поведении мотивы, обидные для старавшихся наших соотечественников.

Мой сын, студент теперь уже 4 курса факультета переводчиков МГУ рассказал следующее: американская преподавательница английского языка в МГУ на церемонии выдачи дипломов выпускникам, получив в подарок альбомы по русскому искусству и русский фарфор, вручила свой прощальный подарок — огромную коробку в красивой «западной» упаковке, перевязанную ленточкой. Ее открыли прямо на сцене. В ней оказался... унитаз. Таким «оригинальным», но совершенно неприемлемым, с точки зрения культуры хозяев, способом она хотела, по-видимому, показать, что ей не нравится состояние наших туалетов. Все были шокированы. На следующий год ее на работу не пригласили...

В такой совершенно иной сфере, как медицина, действует тот же закон: в чужой организм со своим уставом/лечением лучше не ходить. Поскольку лечить надо не болезнь, а больного, то при лечении необходимо учитывать как индивидуальные особенности пациента, так и национально-культурные черты его поведения, психологии, мировосприятия, привычную среду обитания и т. п. Еще великий Авиценна (Ибн Сина) тысячу лет тому назад учил, что «если придать индийцу натуру славянина, то индеец заболит или даже погибнет. То же будет со славянином, если ему придать натуру индийца» (10). По нашему мнению, что под «натурой» имеется в виду национальная культура.

Вот пример уже из прошлого века: у артиста Евгения Евстигнеева заболело сердце. В зарубежной клинике ему сделали коронаграфию и, как это принято у западных медиков, принесли графическое изображение сердца и объяснили все подробно и прямо: «Вот видите, сколько сосудов у Вас не работает, нужна срочная операция». Евстигнеев сказал «понятно» и умер (8). В традициях нашей медицины с больным принято говорить помягче, щадяще, прибегая порой к полуправдам и ко «лжи во спасение». Каждый из этих путей имеет свои достоинства и недостатки — речь идет не об их оценке, а о том, что привычно и принято, а что ново, непривычно и поэтому пугает. От испуга повышается давление, и

сердцу лучше не становится. Поэтому необходимо помнить (memento!) о конфликте культур и быть осторожными при лечении в иной стране.

Развлекать и пугать примерами конфликтов культур и несостоявшихся коммуникаций можно бесконечно долго. Совершенно ясно, что эта проблема затрагивает все виды человеческой жизни и деятельности при любых контактах с другими культурами, в том числе и «односторонних»: при чтении иностранной литературы, знакомстве с иностранным искусством, театром, кино, прессой, радио, телевидением, песнями. Виды и формы межкультурного общения стремительно развиваются (одна система Интернет чего стоит!).

В отличие от прямого, непосредственного конфликта культур, возникающего при реальном общении с иностранцами, такого рода контакты и конфликты с иностранной культурой (книги, фильмы, язык и т. п.) можно назвать косвенными, опосредованными. В этом случае культурный барьер менее видим и осознаваем, что делает его еще опаснее.

Так, чтение иностранной литературы неизбежно сопровождается и знакомством с чужой, иной страны культурой, и конфликтом с ней. В процессе этого конфликта человек начинает глубже осознавать свою собственную культуру, свое мировоззрение, свой подход к жизни и к людям.

Яркий пример конфликта культур при восприятии иностранной литературы приводит американский антрополог Лора Бохэннен, пересказавшая «Гамлета» Шекспира туземцам Западной Африки. Они восприняли сюжет через призму своей культуры: Клавдий — молодец, что женился на вдове брата, так и должен поступить хороший, культурный человек, но нужно было это сделать немедленно после смерти мужа и брата, а не ждать целый месяц. Призрак отца Гамлета вообще не уложился в сознании: если он мертв, то как он может ходить и говорить? Полоний вызвал неодобрение: зачем он мешал дочери стать любовницей сына вождя — это и честь и, главное, много дорогих подарков. Гамлет убил его совершенно правильно, в полном соответствии с охотничьей культурой туземцев: услышав шорох, крикнул «что, крыса?», а Полоний не ответил, за что и был убит. Именно так и поступает каждый охотник в африканском лесу: услышав шорох, окликает и,

если нет человеческого отклика, убивает источник шороха и, следовательно, опасности (9) .

Книги, запрещаемые (или сжигаемые на кострах) тем или иным политическим режимом, ярко (тем ярче, чем больше костер) свидетельствуют о конфликте идеологий, о несовместимости культур (в том числе и внутри одной национальной культуры).

Разумеется, чтение иностранных авторов — это вторжение в чужой монастырь. Мы видим и, главное, оцениваем этот чужой мир через призму своей культуры, что, соответственно, также оказывается конфликтом культур.

В такой взрывоопасной ситуации перед наукой и образованием остро стоят сложные и благородные задачи: во-первых, исследовать корни, проявления, формы, виды, развитие культур разных народов и их контактов и, во-вторых, научить людей терпимости, уважению, пониманию других культур. Для выполнения этой задачи и проводятся конференции, создаются объединения ученых и педагогов, пишутся книги, в учебные планы и средних, и высших учебных заведений вводятся новые дисциплины. Но, как сказано, « жатвы много, а делателей мало». Достаточно сделано, но ещё больше предстоит сделать на ниве международной коммуникации для лучшего взаимопонимания групп разного этноса. Для мира и благополучия всех народов.

Список использованных источников:

1. Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. — М.: АСТ, 2003. с.439
2. *Economist*, 20 January 2006, p. 21; *New York Times*, 4 February 2005, p. 4.
3. *Мудрое слово Древней Руси*. М., 1989, с. 353.
4. Тер-Минасова С. «Язык и межкультурная коммуникация» // М., 2008, с.21-23
5. *Moscow News*, Sept. 21, 2006, p. 14.
6. *Гео*, 2008, № 71, сентябрь, с. 66-67.
7. Кашмадзе И. И. *Вожди глазами переводчика* // *Аргументы и факты*, 1996, № 18, с.9.
8. О. Чечин. «Лишь узел смерти я не развязал» // *Врач*, 1996, август, с. 45-46.

9. L. Bohannon. *Shakespeare in the Bush. Applying Cultural Anthropology*. Ed. by A. Podolefsky / Peter Brown. Mayfield Publishing Company , 1991, p . 38-39.

10. Hans Reichardt *Berühmte Ärzte besiegte Krankheiten //* Hamburg, Tessloff Verlag, S.12.